

О русских писателях

I

Достоевский писал другу: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Отсюда явствует, каково значение этой несравненной повести. Не новая художественная форма или новое поэтическое настроение, а новый человек — вот о чем идет здесь речь. То, что значили фрески Мазаччо для Ренессанса, значила для русских писателей повесть Гоголя. В ней было положено начало тому, что приобрело новые масштабы и получило свое завершение у Достоевского в «Карамазовых». Только в «Шинели» герой впервые выступает как окончательное преодоление человека восемнадцатого столетия; именно персонаж Гоголя, а не романтическая личность, не Эдгар По, и не человек в романах Бальзака.

II

Путешествуя по Европе, Достоевский посетил также и Рим, где его интерес вызвали не памятники старины и не складывавшееся *terzoregno*, но исключительно и единственно собор Святого Петра и Ватикан. В письме брату он говорит об этом со всей определенностью. К этим впечатлениям, глубоко его поразившим, и восходит, видимо, образ Великого Инквизитора. Но в сущности здесь перед нами не один образ, а целая поэма, грандиозная мысль автора, выраженная в форме параболы: борьба механического мира, воплощенного, по мысли Достоевского, в католицизме, против духовности, против Христа.

Все великие христианские мыслители новейшего времени — Паскаль, Гете, Вильям Блейк, Кьеркегор — чувствовали так же, как Достоевский; но отличает его от них то, что в борьбе, им изображаемой, правы оба: кардинал-инквизитор и Христос, а не один только Христос, как у Паскаля, Гете или Кьеркегора. Достоевский решает, а точнее, утверждает конфликт не с позиции фанатика или теолога, или резонера, не как судья и обвинитель, но как драматург: он влагает его в душу самого сочинителя повести, в глубокую, страдающую, отчаявшуюся душу Ивана Карамазова. Вот это и есть русское, новое, сверхъевропейское в бессмертном романе Достоевского, пережившего великую идею

христианства заново и с остротой, невиданной в девятнадцатом столетии.

III

«Пиковая дама» была создана в 1834 году. Герой повести Германн, человек «с профилем Наполеона», несет в себе зерно образа Родиона Раскольникова, сравнившего себя с Наполеоном. В этом заключается особое значение «Пиковой дамы» среди других творений Пушкина. Она — мост, переброшенный от жанра романтической поэмы, в котором Пушкин был большим мастером, к жанру психологического романа. Не лишен особого значения и тот факт, что Германн — сын обрусевшего немца. Это символично, ибо подчеркивает решающее влияние на духовную жизнь России германского духа: динамит, заложенный в душе русского человека, взорвался от искры, брошенной из Германии. Родион Раскольников — русский из русских, русская кровь, русская судьба, но дух его, дух всего поколения, которое им представлено, воспламенился благодаря Гегелю. Мысль Гегеля воплотилась в деяниях Наполеона — так чувствовали в России, так первым мог почувствовать только русский.

IV

В России были поэты-романтики (Пушкин, Лермонтов), но не было романтической школы (как в Германии и Франции). Пушкин — настолько же романтик, насколько Толстой — реалист, но тот и другой как творцы превосходят романтиков и реалистов всех школ и народов. Дух русской культуры — иной по своей природе, чем в других странах; ему чужды политика, партийные интересы, французский стиль мышления. Оригинальность культуры может быть двоякого рода: одна — политически активна, общественно действенна, мужественна — оригинальность тех, кто становится во главе движения, дает ему импульс и лозунг; другая — музыкальна, женственна, восприимчива — оригинальность тех, кто движение завершает, придает ему полноту человечности. Русской культуре эта оригинальность второго рода — завершающая — присуща еще в большей степени, чем культуре германской. Какая бездна разделяет Шатобриана, стоявшего — это нельзя не признать — у истоков всего

европейского романтизма, и Александра Пушкина, который его завершает и преодолевает. Там — все история, общественность, риторика, гениальность вождя, логика, а вместе с тем и предельная обостренность чувственных восприятий, которая в такой степени свойственна лишь древним расам и культурам и обуславливает их двойственность: правдивость соседствует в них с актерством, чувство уживается с гримасой. Здесь — безграничная естественность, страстность и всегдашняя русская способность к страданию на самом пороге небытия, бессилие и еще примесь — нет, ни в коем случае не позерства, но какого-то особого шарлатанства, проистекающего из отчаянного одиночества, из беспочвенности и бесформенности русской жизни и русского человека — абсолютно не такого, как у Шатобриана, не французского, не имеющего ничего общего с шарлатанством мысли.

Русский романтизм Пушкина важен, следовательно, — повторю это еще раз — не как школа, но как путь к реализму. Реализм русской литературы не стал бы столь грандиозной манифестацией человеческого духа, если бы не впитал в себя так безоглядно, так судьбоносно и талантливо всю романтическую культуру Запада, не оплодотворился всем содержанием романтической мысли. (И это снова — в отличие от реализма французского. Эмиля Золя называли романтиком. Романтичность Золя так же поверхностна, как и его реализм, а плоские поверхности не могут друг в друга проникать, а могут лишь располагаться рядом одна с другой или разрушать друг друга.) Поэзия Пушкина воплотила этот путь, означающий также и борьбу, неподражаемым образом. Таковы любовь и вражда между Евгением Онегиным и Татьяной, между рефлексией и гениальностью, между бунтом одиночки, а лучше сказать: мятежной жизнью индивида — и народной судьбой. В этом Пушкин глубже, чем Мюссе или Байрон, на которых он опирался. Он не просветляет индивидуальный бунт поэзией, как делают это Мюссе или Байрон, но бунтарство заключается для него в индивидуализме как таковом, и потому в природе, в Татьяне, воплощается закон. Ту же самую борьбу мы находим и в новеллах. Так, Германн в «Пиковой даме» — сродни Онегину и самозванцу Борису Годунову, и он же — предтеча Родиона Раскольникова. Пушкин — романтик и реалист в одном лице, как никто другой. Старая графиня символизирует традицию, нравственный порядок, обычай и еще — снова очень по-русски, не во французском, руссоистском смысле — природу, так же как Татьяна в «Евгении Онегине», как Марья Кирилловна в «Дубровском». И далее мы видим ту же антитезу в «Выстреле»

и «Арапе Петра Великого». В последней повести Татьяну зовут Наташей, а Онегина — Ибрагимом; он — одиночка, оторванный листок, чужак, негр, «недочеловек». Прадед Пушкина по материнской линии был родом из Абиссинии. В истории своих предков Пушкин изобразил в какой-то мере и историю своего духа, в которой всечеловеческое чудесным, таинственным образом соединилось с самым чужеродным, демоническим.

